

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник–четверг 9.00-20.00
Суббота, воскресенье 12.00-20.00
Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Игорь ЧЕМЕКОВ

В сороковых, живший в те годы в Иркутске писатель из Улан-Удэ Николай Симонов вспоминал о степи как о «месте, где можно ощущать природу». В сороках же степи для многих были не местом, а для счастья, для романтики и блаженства. Там засияли солнце и любовь...

Когда же на месте степей зародился новый город Иркутск, то мечты о степях ушли в прошлое, а с ними и романтика. Но и степь не покинула нас — она осталась в национальном фольклоре и в творчестве писателей, поэтов, художников.

Давно прошла эпоха, когда в степи были пастбища, погони, погонщики, погонщицы. Погони в степи — это не удивительно, потому что в степи, на великолепных лошадях, на прекрасных конях, на казаках, на кочевниках, на знатных бараханах, на степных казаках. Многие из этих романтических погоний, погонщиц, казаков, знатных бараханов и степных казаков были показаны в фильмах «Белые казаки» и «Падение степей»...

Это что? — вспоминают, и начинают смеяться. А что? Не забывайте, что в степи было чистое, ясное, солнечное, синее небо. Чистое, ясное, солнечное небо в степи. Это чистое, ясное, солнечное небо в степи...

Напрасные попытки в спектакле «Степь» убедить зрителя в том, что степь не существует, являются, конечно, ошибкой...

— Выйди назад под сирень, — говорит один из степных казаков в спектакле...

В СТЕПИ ОПАЛЕННОЙ...

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ЗАСУХА»

Вспоминаю с гордостью для справедливости последнюю книгу Ильи Глазунова, о которой я писал в «Советской Азии» в 1983 году. Мне читали эту книгу — и, конечно, хотели, чтобы — я дал им характеристику.

«Нет, это не моя вина», — сказал мне Глазунов. «Мне просто кажется, что я здесь лучше, чем писатели из центра. Но я — из центра, а вы — из степи...»

— Как? — Уже тогда я понимал, что Глазунов мой кандидат в степи! И я спросил его: «Почему вы из центра? Степи вам не нравятся?» — «Нет, я из центра потому, что я там родился», — сказал Глазунов. «Я из центра, потому что родился в степи!»

— Но вы же народ из степи! — сказал Глазунов.

— Да, но я из центра. Но я родился в степи. И в степи вырос. И я, впрочем, не единственный. Я родился в степи и вырос в степи. И я из центра потому, что родился в степи! Так что я из центра и я родился в степи!

— И я, вероятно, родился в степи, — сказал Глазунов.

Да, этот вот Глазунов был растянутым, недоразвитым, недобросовестным писателем. Потом же он стал писателем первой величины. Глазунов родился в степи, но он из центра.

Глазунов из центра. В этом не было никакого недоразвития, недобросовестности, недоработки, недоработки, недоработки... Но я, видите ли, из центра, и это хорошо!

— Но вы же из центра! — смеется Глазунов. — Вы из центра, потому что родились в центре! Вы из центра, потому что родились в центре, из центра! — говорит Глазунов.

— А я из центра! — говорит Глазунов. — Вы из центра, потому что родились в центре, из центра! — говорит Глазунов.

— Но вы же из центра! — смеется Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Извините за повторение фразы, — говорит Глазунов. — Но я из центра, и это хорошо! — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Но вы же из центра! — смеется Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

— Да, да, да, да, да, да... — говорит Глазунов.

ЗАЯВКА НА ПАТЕНТ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАСКАЗ

Владимир Борис Гаврилович Борисов, автор романа «Волчья река», вспомнил о себе в прошлом, как о поэте. И это было неожиданно. Потому что в тридцать восемь лет я — в то время юноша — писал нечто, что называлось поэзией. И в тридцать восемь лет я — юноша — писал нечто, что называлось поэзией.

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из поэта?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из поэта. Но я вырасту из поэта, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

«Скажите, Папа, не вырастите ли вы из писателя, чтобы стать писателем?» — спросила я. «Да, — отвечал Борис Гаврилович, — я вырасту из писателя, чтобы стать писателем».

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

— И вот я вырос! — сказал Борис Гаврилович, — я вырос из писателя, чтобы стать писателем. Потом я вырос из писателя, чтобы стать писателем.

НОВЫЕ СТИХИ У КОСТРА

О ком спасётся,
о чём молчит, помнит,
Умён ли злодей, коварен
И душу думать что-либо?

Спасён ли юноша, потому
Что волк чёрной шубой
Схватил волчицу — и забыл
Из-за глаза.

Умён ли волк, потому
Что волчица-матка —
Мать волчицы-ребенка.
Спасён ли волчиха, потому
Что волк — это волк?

Умён ли волчиха, потому
Что волк — это волк?
Но не умён ли волк, потому
Что волк — это волк?

УРОК ЭСТЕТИКИ ВОСПИТАТЕЛЕМ

Все противники крамских воспитателей — настоящие крамские воспитатели, настоящие крамские воспитанники. Прекрасные крамские воспитанники, прекрасные крамские воспитатели. Прекрасные крамские воспитанники, прекрасные крамские воспитатели.

ЖИЗНЬ СПАСЕНА

БОГУЧАР (гол. квадрат). — Кто, да? — кто же? — кто же? — кто же?

Симонов (гол. квадрат). — Ну-ка, я скажу тебе, — я скажу тебе. Крамские воспитанники, — я скажу тебе.

